

**ВЛАДИМИР
БУШИН**

**ПЯТАЯ
КОЛОННА**

ОТПОР КЛЕВЕТНИКАМ

Владимир Сергеевич Бушин
Пятая колонна.
Отпор клеветникам
Серия «Враги России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8708747

*Пятая колонна. Отпор клеветникам: Издательство Алгоритм;
Москва; 2015*

ISBN 978-5-906789-49-5

Аннотация

Книга Владимира Бушина – яркого публициста, писателя, литературного критика – посвящена тем людям, деятельность которых можно назвать подрывной по отношению к национальным устоям России. Великие исторические личности, начиная от Александра Невского и заканчивая маршалом Жуковым, русские ученые, писатели, поэты подвергаются осмеянию, на них обрушиваются потоки лжи. Подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне также вызывает ненависть «пятой колонны» и желание принизить его, что особенно больно задевает автора-фронтовика. Он дает резкую отповедь всем этим «исследователям» и «правдоискателям», разоблачает их клевету на наше прошлое; не остаются без внимания и «особы, приближенные к власти». Читатель найдет много знакомых

персонажей в книге Владимира Бушина, завершающейся строками В. Гафта: «Когда таким пути открыты, ликует лишь антисемиты».

Содержание

Майданутые	6
Человек не отсюда	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Бушин
Пятая колонна.
Отпор клеветникам

© Бушин В. С., 2015

© ООО «Издательство Алгоритм», 2015

Майданутые

Недавно на радиостанции «Эхо Москвы» министр культуры Владимир Мединский и председатель Военно-исторического общества Михаил Мягков беседовали о Великой Отечественной войне с главным редактором журнала «Дилетант» Виталием Дымарским. Интересно и отрадно было наблюдать, как двое первых убедительно и достойно просвещали третьего, дилетанта, который только о том и мечтал, как бы язвительней уколоть, ущипнуть, оцарапать родную историю или хотя бы показать ей либо фигу, либо язык... Причем язык этот, лукавый, неряшливый, болтливый, метал фразы такого пошиба: «Советский Союз вступил (!) во Вторую мировую войну...». Можно, конечно, сказать: «Ваня вступил в клуб филателистов», «Петя вступил в комсомол» и т. п. Но тут... Какая деликатность в этом словечке по отношению к Гитлеру! Не жертвой его вероломной агрессии стала наша родина, а то ли сама по доброй воле вступила в войну, то ли ее пригласил вступить Гитлер: давайте, мол, повоюем, это интересно... И, оказывается, «вступила после (!) вторжения Германии». Ну это вообще смеху подобно! Может быть, все-таки сразу дала отпор, а не после? И словно у нас был выбор – «вступать» или не «вступать». Что здесь – глухота к русскому слову или сознательное манипулирование с целью исказить историческую правду? Пожалуй, вто-

рое, хотя у Дымарского немало и первого.

Ничего другого и нельзя было ждать от этого оратора, типичного представителя своего дилетантского сообщества. Поэтому меня очень удивил В. Мединский, сказавший ему: «Виталий, вы профессионал!». То ли как журналист, то ли как историк.

А этот профи до сих пор, точно несправедливо забытый архитектор перестройки Александр Яковлев четверть века тому назад, потрясает секретными протоколами советско-германского договора 1939 года, как чем-то небывалым и позорным. Да ведь такие протоколы и статьи всегда были и будут. Можно вспомнить хотя бы тайный договор 1699 года царя Петра и польского короля Августа Второго о военном союзе против Швеции. Почему бы дилетантам не заняться поношением и этого договора?.. Это только большевики, взяв власть, были в таком ликующем благодушии, что проклинали тайную дипломатию, отменили смертную казнь да еще отпускали на волю под честное слово таких лютых своих ненавистников, как генерал Краснов.

А этот профи делает большие квадратные глаза: «Извините (он вежлив до посинения), подписывая с Германией пакт о ненападении, Советский Союз, извините, уже предполагал войну с ней?». Уж так, мол, некрасиво... Не предполагал, а был уверен, ибо Гитлер почти за двадцать лет до этого в своей «Майн кампф» объявил, что когда придет к власти, то главной его заботой будет «Drang nach Osten», на-

пор на восток, т. е. завоевание русских земель. А для профи это новость! Видно, историк о помянутой книге и не слышал. И Мединский просвещает Митрофанушку: «Этот договор – внешнеполитическая победа Советского Союза!». Между прочим, именно как о великой победе писала о договоре даже правительственная «Российская газета».

Но профи Митрофанушка опять корит свою родину: Германские войска, мол, «вступили (!) в Польшу» всего лишь «с другой стороны», чем советские: одни с запада, другие с востока. Чисто географическое различие. То есть, как это принято у «пятой колонны», ставит нас и немцев на одну доску. И опять то же деликатное словечко, когда на самом деле немцы, разумеется, не «вступили», как, например, в Австрию или Чехословакию, а вломились в Польшу, обрушились на нее, сея смерть и разрушение. Истребили 6 миллионов поляков и евреев, а мы за ее освобождение отдали 600 тысяч душ. Но, главное, оратор не желает принимать во внимание разницы в 17 дней сентября между «вступлением» вермахта и Красной Армии. А ведь за это время польское правительство успело в первую же неделю бежать из Варшавы в Люблин, а потом – в Румынию, бросив на растерзание народ страны, в том числе наших братьев украинцев и белорусов. С этого момента, напомнили подслеповатому историку его собеседники, согласно международному праву Польша как субъект международного права прекратила свой существование. И если бы мы не «вступили», то не только бра-

тъя-славяне оказались бы под немецкой пятой, но и граница с немцами стала бы ближе на 200–300 км к нашим жизненным центрам. Ничего не сечет профи!

И снова скулит, какое, мол, безобразие: «Советские войска вступили в Польшу... советские войска вступили в прибалтийские республики... советские войска... Все замечательно, да?». Это у него ирония, он ухмыляется. Тут уж и Мединский не выдержал: «Вы все валите в одну кучу!». Действительно, в Польшу Красная Армия вошла после того, как ее правительство сбежало за границу и она как государство рухнула, вести переговоры было просто не с кем. И если после нападения Гитлера на нее Франция и Англия почти немедленно объявили войну Германии, то нам после 17 сентября никто даже не прислал ноту протеста. А в прибалтийских республиках наши войска оказались согласно зарегистрированным в Лиге наций договорам с их правительствами. Причем переговоры с ними велись отнюдь не в ультимативном духе. Об этом свидетельствует хотя бы то, что мы намеревались разместить в Эстонии 35 тысяч войск, но эстонцы хотели 15 тысяч, сошлись на 25; в Латвии мы планировали иметь 40 тысяч, сторговались на 30. Литва сразу согласилась на 20 тысяч! Еще бы! Ведь мы возвращали ей от поляков древнюю столицу Вильнюс, среди жителей которых литовцы-то составляли лишь один процент.

Этот профи делает большие звездообразные глаза, обнаружив в учебнике истории данные о потерях во Второй мировой войне: Советский Союз – 27 миллионов своих сограждан, а «суммарные потери США и Англии составили менее одного миллиона». Профи не понимает, он возмущен, он негодует: «Зачем сравнивать? Зачем? С какой целью?». Ему мерещится, что мы своими потерями гордимся. Это какое же надо иметь устройство черепной коробки, чтобы в великом горе, неизбывной скорби, пронзительной боли увидеть гордость, чтобы додуматься до такого мозгового выверта. Но ведь, во-первых, сравнения в учебнике нет, вот, мол, больше, чем в 27 раз, а есть простая констатация. А во-вторых, так издавна принято. Например, 28 сентября 1708 года недалеко от Пропойска близ деревни Лесная произошло сражение между русскими, которых возглавлял царь Петр, и шведами, которые шли на соединение с Карлом XII, который уже был на Украине. Мы одержали тут первую и замечательную победу в Северной войне, Петр назвал ее «матерью Полтавской победы».

Я вспомнил именно об этом сражении, потому что во время войны весной 1944 года мне довелось побывать и в Пропойске (о котором у К. Симонова есть шуточные стихи), и под Лесной. В своем военном дневнике нашел запись

от 15 мая 1944 года: «По пути с поста Кирпенки на пост Берковича побывал в Лесной. Осмотрел там церковь и памятник в честь победы Петра над шведами в 1708 году, «матери полтавской победы», как значится тут же на доске, установленной на каменном постаменте 28 сентября 1908 года. Церковь немцы превратили в сортир. Внутри стены вьется лестница. Я поднялся по ней на площадку. С нее далеко видно».

И вот сейчас заглянул в знаменитую «Историю России» С. М. Соловьева: «У русских под Лесной из 14 000 человек было побито 1111, ранено 2856; у шведов из 16 000 по русскому счету взято в плен 876 человек, на месте побитых тел перечтено 8000» (кн. VIII, с. 208). И это для профи новость! Знать, и не слышал он ни о Соловьеве, ни о Карамзине, ни о Ключевском... Раньше такие ораторы возмущались некоторыми публикациями о тех или иных сражениях, где не было данных о наших потерях, и порой они были правы. Но вот данные приведены, но у них и от этого с души воротит, их и это возмущает. Всегда во всем они находят ужасную несправедливость. Ну что с ними делать, как им потрафить? А не лучше ли просто начхать?

Тем более что для полноты картины хотя бы той же мировой трагедии иногда полезно кое-что и сопоставить. Например, нашу землю фашистский сапог, хлюпая в крови, топтал три с лишним года, а земли Англии и США он и не коснулся. Или: на нашей земле ожесточение борьбы доходило до того, что более тридцати городов по несколько раз переходили

из рук в руки, а в Польше, Франции, Бельгии и других захваченных немцами странах не было ни одного случая такой борьбы, ни единого города.

А Дымарскому хочется, чтобы нашим детям рисовали примерно такую картину: ну была война, все, мол, сражались, ну были, конечно, потери, но – все герои, ну все молодцы... В. Мединский хорошо проветрил черепную коробку мыслителя: «Приведенные цифры говорят о том, что мы вынесли основную тяжесть войны. Война и победа для нас и для англичан с американцами имеют совершенно разную цену. Поэтому мы относимся к войне по-разному, поэтому мера ранимости при обсуждении любого вопроса ее истории абсолютно разная и степень восприимчивости народом этой темы у нас по болезненности несопоставимы ни с Англией, ни с Данией». И разумеется, с Америкой. То есть Мединский не проветрил, конечно, коробку мудреца, это невозможно – что еще за «ранимость» какая-то? – а только вдунул туда, в коробку-то, важную справедливую мысль. Но разве она там приживется...

* * *

Для подкрепления своей жажды истины и справедливости наш профи тут же обратился к именам Солженицына и Виктора Астафьева, как к великим и честным знатокам истории войны, ее участникам и свидетелям. Ведь они, говорит, про-

шли «всю войну»! Я, дескать, об этом читал. Да, прочитать можно и о том, что они были добровольцами. Приходится огорчить одноглазого читателя. По Указу Верховного Совета о мобилизации и по возрасту Солженицын должен бы надеть шинель в первый день войны, а он с молодой женой из Ростова укатил в Морозовск, который еще дальше от фронта, и там преподавал в школе астрономию. Увлекательная и приятная наука! Смотришь часами на небо и не видишь, что творится на земле... И в армии астроном почему-то оказался лишь во второй половине октября на ответственной должности конюха. Потом загадочным образом оказался в офицерском училище, и на фронт со складным письменным столом для писания романов будущий писатель прибыл лишь в мае 1943 года. Астафьева взяли в армию в конце 42-го. Самую страшную пору войны оба не видели, не знали. Да еще надо вспомнить три последних ожесточенных месяца войны, на которые Солженицыну удалось сократить свою военную биографию с помощью ловкой передислокации в московские Бутырки. И это не помешало бы Дымарскому прочитать у него: «не уходя с передовой, воевал четыре года». Вся-то война была меньше четырех лет, но у него свой счет.

Но этот профи продолжает млеть: «А как Астафьев оценивал, как называл вообще Жукова, Сталина...». Да называть-то можно, как вздумается. Но кто он и кто Сталин, Жуков? И называл он их, как и принято у всех злобных и невежественных в военном отношении антисоветчиков.

Но смешно же защищать генералиссимуса и маршала от бредовых выходок ротного телефониста. Он и Шолохова злобно ненавидел. По воспоминаниям поэта Бориса Куликова, Астафьев однажды заявил: «День смерти Шолохова будет счастливейшим днем моей жизни». Его собственная смерть, как и смерть Солженицына, никого не осчастливила. Они соревновались в ненависти и к Сталину, и к Жукову, и к Шолохову.

Но вот что, между прочим, Астафьев сказал на известной конференции историков и военных писателей 28 апреля 1988 года в минуту просветления: «Я прослушал здесь уже несколько выступлений. В них все время, как сейчас в газетах, звучит одно и то же имя: Сталин... Сталин... Сталин... Сталин...». Он имел в виду, что Сталина обвиняли во всех наших неудачах в войне. И продолжал: «Я думаю, что не все так просто и ordinarily, как это сейчас преподносится. Используется очередной громоотвод в нашей истории, чтобы свалить на эту личность все наши беды и таким образом, может быть, проскочить какой-то очень сложный для нас отрезок, а может, удастся и самим чище выглядеть».

Мысль вполне здравая, именно поэтому некоторые газеты, напечатавшие выступление Астафьева, эти строки вычеркнули. Так поступила, например, «Советская культура» в номере за 5 мая. Главным редактором тогда там был цэковский абориген Альберт Беляев, замзав Отдела пропаганды.

«Виктор Петрович считал, – продолжает профи Дымар-

ский, – что мы воевали числом, а не умением, что закидали немцев трупам. Можно не соглашаться с этим, но из каких уст мы это слышали!». Из каких? Повторю: из уст лжеца, приспособленца и невежды. Военно-историческая дремучесть обоих корифеев, право, даже загадочна. Я уж не говорю о том, что сахарные уста старшего из них порой извергали, например, такое по адресу соотечественников: «Подождите, будет на вас Трумэн с атомной бомбой!» («Архипелаг». М. 1989. Т. 3, с. 51. Вдова покойного бомбиста этот пассаж сейчас при переиздании, разумеется, выкинула). У нас то бомбы тогда еще не было. А младший покойник даже не умел читать военную карту, был тупо уверен, что каждая стрелка на ней означает не что иное, а именно армию, т. е. воинское соединение в составе нескольких дивизий, тогда как на самом деле стрелка означает положение – наступление, отступление, оборона – полка, дивизии, корпуса, армии или всего фронта.

И что ж еще мы слышали их «таких уст»? В советское время, в ноябре 1985-го, со страниц «Правды», главной газеты страны, эти уста, тогда медовые, сладко пели: «Мы достойно вели себя на войне... Мы и весь наш многострадальный героический народ на века, на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным подвигом» (Правда. 25 ноября 1985). И даже уверял, что соотношение потерь было 1 к 10 в нашу пользу, что, конечно, было холуйским враньем. А 28 апреля 1988 года, на четвертом году горба-

чевщины, на совещании по истории войны те же медовые уста, вдруг став горчичными, начали вещать вот про эти трупы, о которых четверть века не может забыть Дымарский. Да еще напомнили, что соотношение потерь-то было 1 к 10, но не в нашу пользу, а в пользу немцев. Эта великая новость, как уже сказано, тотчас была напечатана во всех демократских или уже деморализованных газетах – в «Литературке» Ф. Бурлацкого, в «Советской культуре» А. Беляева, в «Московских новостях» Л. Карпинского, в «Вопросах литературы» Л. Шинделя, в «Вопросах истории» и т. д. Усердие не осталось незамеченным: от Горбачева Астафьев получил Золотую Звезду Героя, а от Ельцина – президентскую пенсию, множество премий и собрание сочинений в 15 томах. Неужели и теперь наш читатель-профи не согласится, что и медовые уста, и горчичные были устами лжеца?

Когда зашла речь о «цене победы», Мединский сказал: «28 миллионов – большая цена. А если было бы 50...». Дымарский воскликнул: «Зачем такие ужасы!». Мил человек, да ведь именно такие ужасы, эти самые извергали столь дорогие для вас уста Солженицына и Астафьева, такие и даже страшней. Чего ж вы тогда молчали? И собеседники разъяснили дилетанту: в отличие от войны 1812 года, на которую он тоже охотно ссылается, в войне 1941–1945 годов агрессор стремился не победить нас, а уничтожить. Поверил ли этому профи, неизвестно.

Действуя нахрапом, Дымарский полностью пренебрегает всяким правдоподобием того, что изрекает, и не может сообразить, в какой луже то и дело оказывается. Например: «Что касается Мюнхена, то Запад его осудил, там его денонсировали». В. Мягков в недоумении: «Как они могли его денонсировать?». Действительно, как, когда, каким образом? В 1938 году в Мюнхене за спиной самой Чехословакии и Советского Союза, имевшего с ней договор о взаимной помощи, Гитлер и ответственные представители Англии и Франции договорились о расчленении Чехословакии, и этот договор был выполнен: Германия отхватила Судетскую область, а вскоре оккупировала всю страну. Но в 1945 году Красная Армия освободила Чехословакию, страна вновь обрела целостность и независимость. Что же теперь денонсировать? Это не Запад, а мы, уничтожая и вышвыривая оккупантов из Чехословакии, силой оружия «денонсировали» Мюнхен. И что же Дымарский ответил Мягкову? Буквально: «Были сделаны некие шаги». Когда? Кем? Какие шаги? Молчание пустозвона... По-моему, он порой употребляет слова, не зная их смысла.

Не удалось с тем, подлинным Мюнхеном, тогда он пытается повернуть свой мини-Мюнхен и ласковым голосом Даладье предлагает: «Давайте признаем все-таки, что 41 год был

катастрофой». Мединский твердо и решительно: «Нет!». Действительно, первые же недели войны были катастрофой для Польши, Франции и других жертв агрессии: они были разбиты, государства рухнули. Ничего подобного не произошло у нас, хотя мы и терпели крупные поражения. Немцы рассчитывали в кратчайший срок захватить Москву, Ленинград и Киев. В июле не удалось еще ничего, осенью захватят только Киев. И война-то лишь начиналась...

А еще Профи очень хотел бы знать, что делал Советский Союз последние два года перед войной для укрепления обороны. Ну почитал хотя бы воспоминания маршала Жукова, там об этом подробно сказано. И вот ему разъясняют, разжевывают, втемяшивают... В частности, Мягков говорит, что в 1939 году наша армия имела чуть больше одного миллиона штыков, а на 22 июня – около 5 миллионов. Профи тут как тут с подковыркой: «И что от них осталось в конце 41-го?». Смысл вопроса в том, конечно, что, мол, ничего не осталось. Ну если так, то что же мешало немцам захватить Москву и Ленинград – их главные цели? А то, что на самом деле и «осталось», и прибавилось столько, что хватило сил и отстоять эти города и вскоре погнать их от Москвы, от Тихвина, от Ростова-на-Дону. Он все это впервые слышит...

И вот такой мыслитель возглавляет большой, роскошный журнал. Можно долго еще любоваться эверестами познаний этого мыслителя и марианскими впадинами его интеллекта, но надо упомянуть и о его журнале, выходящем под старин-

ным гордым девизом «Я знаю, что я ничего не знаю».

* * *

С обложки номера, на которой первым объявлен материал о капитуляции Германии в мае 1945 года, на читателя смотрит... Вы думаете, маршал Жуков и другие победители? Тогда вы ничего не поняли из того, что сказано выше. На нас смотрит портрет во всю обложку едва ли известного вам в лицо человека, а под ним крупно: «МАЗЕПА. ИЗМЕНА?». Это первый заголовок. Вот второй: «Трудный выбор Ивана Мазепы». Это моднейшее у них словцо – выбор. Нет на свете ни измен, ни предательства, ни трусости, ни обмана, ни воровства, а есть только выбор. Например: перед персонажем какой-то их публикации, попавшим в плен, встал выбор – поступить как генерал Власов, переметнувшийся к немцам, или как генерал Карбышев, оставшийся верным родине и присяге? Он сделал власовский выбор. Все-го лишь выбор...

У иных наших патриотических газет, кажется, вовсе нет никакого защитного иммунитета хотя бы только словесного: что слышат по телевидению или читают в демократских газетах, то волокут на свои страницы. Вот, скажем, в Америке нередко случаются дикие факты расстрела кем-то из военнослужащих – своих сослуживцев или учеником – своих одноклассников. И этих чудовищных убийц там по почину како-

го-то идиота стали именовать невинным словом «стрелок»: чикагский стрелок, бродвейский стрелок и т. п. Докатились такие трагические факты уже и до нас – в Москве, а Сахалине, еще где-то. И вот «Советская Россия» пишет: «сахалинский стрелок»... Еще хорошо, что не вспомнила Вебера с его «Волшебным стрелком». Другой пример: бутылку с зажигательной смесью какой-то псих назвал «коктейлем Молотова». И пошло гулять. И дошло даже до нашего президента. Да спросил бы себя хоть кто-нибудь: при чем здесь Вячеслав Михайлович? В той же «Советской России» читаем: «Мы, журналисты, должны уважать любой человеческий выбор». И не соображает автор, что после этого он должен уважать и Власова, и Горбачева, и Евтушенку, в трудный час родины удравшего за океан...

Я долго не мог найти имя автора статьи в журнале: так мелко, бисерно напечатали его на темном фоне, словно хотели спрятать, но все-таки разыскал – Татьяна Таирова-Яковлева. Она дает как бы эпиграф: «Иван Мазепа перешел на сторону шведов. Многие до сих пор именуют этот поступок изменой». Сразу дается понять: какая темнота эти «многие». И дальше следуют 20 красочно иллюстрированных портретами Мазепы страниц, убеждающих, что никакой измены не было, а был просто деловой выбор. А начинается статья так: «Если вырвать события из контекста, из любого человека можно сделать монстра, а любой поступок представить как чудовищный». И тут же наготове примерчик: «Петр

Первый убил своего родного сына царевича Алексея... Словом, детоубийца, тиран». Не совсем так, мадам.

Да, Петр, как известно, деликатностью и чувствительностью не отличался, но все-таки родного сына не убивал. Это вы, видимо, вспомнили картину Репина «Иван Грозный убивает своего сына» или гоголевского Тараса Бульбу, действительно убившего сына-изменника Андрия. А с царевичем Алексеем дело сложнее. «Отец с сыном, – пишет современный историк, – разошлись в самом важном вопросе – о будущем страны. Петр смотрел далеко вперед, Алексей – в прошлое. Но он был не одинок: за ним шли духовенство, родовитые вельможи, часть простого народа». На него возлагали надежды тайные противники петровских реформ, но царевич был очень нерешителен, робок и осенью 1717 года в момент, показавшийся ему опасным, бежал из России в Австрию, а потом в Италию, в Неаполь. Подумать только: смылся за бугор наследник престола! Когда осталась в Америке Светлана Аллилуева, всего лишь дочь покойного вождя, которой никакой трон впереди не светил, и то какой звон был на весь белый свет, а тут – наследник империи!.. За ним явились в Неаполь суровые посланцы Петра, передали ему письмо отца и уговорами, угрозами заставили Алексея вернуться. 3 февраля в Москве, в Кремлевском дворце собралась вся российская знать. Царь обвинил сына в измене, но обещал прощение на двух условиях: если он отречется от своего права наследования престола и назовет тех своих

единомышленников, кто подбил его удрать за границу. Упав на колени и стеная, Алексей беспрекословно выполнил оба условия.

Но в марте была допрошена возлюбленная царевича Ефросинья, на которой он хотел жениться, и она дала много новых сведений, которые, с одной стороны, уличали Алексея в неполноте признания, в неискренности, а с другой, рисовали картину гораздо более широкой вражды к реформам Петра. Разумеется, это и сильно встревожило царя, и вызвало новую волну неприязни к сыну. Но он не хотел решать его судьбу единолично, а 24 июня 1718 года теперь уже в Петербурге вновь собрал некий синклит из 127 своих министров, высокопоставленных чиновников, вельмож и предложил решить дело им. А царевич находился в Петропавловской крепости. Синклит признал его виновным и приговорил к битью палками. В первый день – 25 ударов, во второй – 15... 26 июня он умер. Тут в крепости его и похоронили, как потом хоронили всех августейших особ. Он, кажется, стал первым. Царь и царица присутствовали на похоронах, как в свое время и Грозный на похоронах своего сына. Вот такая страшная история.

* * *

Если автор статьи считает, что Петр чуть ли не собственноручно убил сына, то спрашивается, с какой целью, зачем?

У нее и тут ответ отскакивает от зубов: «Чтобы обеспечить трон своему ребенку от женщины легкого поведения и весьма темного происхождения». Я не знаю, сколь светлого происхождения сама мадам Таирова-Яковлева. Могу лишь предположить, что она в каком-то родстве с известным руководителем Камерного театра Александром Яковлевичем Таировым (1885–1950), прославившимся в свое время глумливой постановкой «Богатыри» на текст Д. Бедного и под издевательски приспособленную музыку «Богатырской симфонии» Бородина. Спектакль посмотрел В. М. Молотов. И Бедного за сей шедевр русофобии тогда исключили из партии. Это первый случай применения «коктейля Молотова». А Таиров был беспартийным, и на его долю выпала лишь эпиграмма, ходившая по Москве:

О Господи, прости Таирова!
Ведь он вконец проституирован.

В то же время можно предположить родство журналистки и с «архитектором перестройки» А. Н. Яковлевым (1923–2007), другом Горбачева, американским «агентом влияния». Впрочем, все это не столь существенно.

Гораздо важнее довести до сведения Таировой-Яковлевой, что презрительно упомянутая ею Екатерина была не просто «женщина», а жена Петра, императрица. Столь же презрительно заявляя о ее «темном происхождении», сле-

довало бы сказать, что именно в нем темного и почему эта «темнота» уж так не смущала Петра, что царь и женился на ней и сделал ее императрицей. Как все разумные люди, царь, в отличие от Таировой-Яковлевой, не придавал значения происхождению. А оно, между прочим, было вполне достойным: родилась в трудовой семье, ее мать была молочницей... Между прочим, Великая Отечественная война дает на сей счет весьма наглядный урок. Наши военачальники почти сплошь сыновья рабочих и крестьян: Верховный Главнокомандующий – сын сапожника, его заместитель Жуков – сын кожевника, начальник Генерального штаба Василевский – сын сельского священника, маршал Рокоссовский – сын паровозного машиниста и т. д. А у немцев – один к одному потомственные военные да еще «фоны». И каков итог? Даже Геббельс незадолго до краха признал превосходство нашего генералитета, и сам Гитлер с ним согласился.

Назвав Екатерину еще и «женщиной легкого поведения», мадам совершила именно то, против чего сама негодует – вырвала живого человека из контекста времени. По причине своей женской и просто человеческой привлекательности, живости ума, доброго нрава Екатерина чрезвычайно влекла к себе многих. И как она, простушка, могла противиться в те времена? Тем паче что каждый раз очаровывала все более высокопоставленных лиц – фельдмаршала Шереметьева – царского любимца Меншикова – наконец, самого царя. Разве мог Шереметьев не подчиниться воле Меншикова, а тот –

царю? Да, Петр был ее третьим или четвертым фактическим мужем. Но вот в наши дни известная Ирина Хакамада сама рассказывает, что она замужем четвертый или пятый раз и пылко любит своего пятого или шестого мужа. Вы с Дымарским решитесь объявить ее женщиной легкого поведения? Не посмеете. Она всем членам редколлегии вашего журнала бросит в окно дохлую кошку. Да, побоитесь. А вот в толще веков вы копаетесь, обличаете, верещите.

Наконец, известно ли вам, что после смерти Петра на троне-то мы видим не его сына от «женщины легкого поведения», как, мол, он рассчитывал, а саму эту женщину. Но через два года она умерла. И кто же теперь на троне? Опять не ее дитя от Петра, а сын покойного царевича Алексея – Петр Второй. Так что все ваши хитроумные догадки и фантазии – чушь на пригорелом постном масле.

Но вы отчасти правы, что порой можно любого человека представить монстром, и в нынешнюю пору мы частенько это видим. Например, еще в 1991 году на американские деньги наши демократы поставили несколько фильмов, изображающих Сталина именно монстром. Таков был, например, длиннющий и бутафорский фильм «Ближний круг» нашего компатриота Андрея Кончаловского, боявшегося отстать от эпохи. А семисерийная столь же бездарная телемахида Александра Иванкина так прямо и называлась «Монстр». В нем приняли участие беглые члены КПСС с ветеранским стажем: Е. Габрилович, А. Борщаговский, А. Новогруд-

ский да еще и Лев Разгон, энтузиаст пионерского движения. Это было давно, а совсем недавно по телевидению в честь 85-летия сухумского гения Фазиля Искандера был показан такого же пошиба фильм по его сценарию «Ночь со Сталиным». И тут же – «Я люблю тирана». Здесь Сталин, как и Жуков в фильме о нем, показан в окружении гурий и одалисок. Вот какой охват времени – четверть века! И все не уймется...

Но если верно, что из любого человека можно сделать монстра, то, надо полагать, из любого человека можно сделать и ангела, и вообще кого угодно. Вот я и предложил бы Таировой-Яковлевой сделать из Дымарского человека, хотя бы понимающего, что такое апельсин...

* * *

Статья Таировой-Яковлевой написана лихо, но некоторые ее суждения, как мы видели, озадачивают или, вопреки намерению автора, веселят. Например: «Из стен государственных структур споры перешли в формат (!) казацких восстаний». Интересно, а какой формат был у восстаний Разина, Пугачева? А что за формат у Октябрьской революции? Или: «Несясь с вихрем исторических перипетий Украины, Мазепа побывал при польском дворе». Господи, ну кто же так говорит!.. Или: «Царь Петр ввел налог на войну...». Это как же ему удалось? Известно, что он ввел налог даже на бороду

(у нас это впереди), но этот-то с кого взимался? И так далее...

Но важнее вот что: «Исходя из реалий XXI века, может быть, трудно представить себе, что политический деятель мог руководствоваться высокими идеалами». Это трудно вам, сотруднице журнала Дымарского, а мы достоверно знаем таких политических деятелей – Фидель Кастро, Нельсон Мандела, Уго Чавес, Мадуро, Александр Лукашенко, председатель Китайской республики товарищ Си...

Да, слышим мы в ответ, но ведь Мазепа знал несколько иностранных языков, писал стихи, имел орден Андрея Первозванного – разве такие люди способны на измену! Ну, имена полиглотов и стихоплетов, ставших изменниками, мне не приходят на память, но зато вспомнил сразу двух предателей с орденом Андрея Первозванного – Горбачева и Солженицына.

И вот что писал в своей «Истории России» об этом орденосце упоминавшийся С. М. Соловьев: «Ни один гетман не пользовался таким уважением в Москве, как Мазепа. Петр хорошо знал его затруднительное положение в Малороссии и тем более ценил способности и усердие гетмана, умевшего исполнять царские повеления... Царь любил его, уважал и ни каким доносам на него не верил». Однако «Мазепа не был представителем той массы малороссийского народа, для которой православие было началом, не допускающим никаких сделок... Он был представителем испорчен-

ного поколения «шатающихся черкес»; мы знаем его воспитание; слуга польского короля смолоду, бедою занесенный на Украину, слуга Дорошенка, следовательно, присяжник турецкого султана, потом случайно перекинутый на восточный берег Днепра, слуга гетмана Самойловича и потому присяжник царский... Мазепа так часто переменял присягу, что эта перемена стала ему за обычай, и если он был верен, то только по расчету» (кн. VIII, с. 212). Так что измена Петру явилась для Мазепы обычным делом.

А вся обширная публикация журнала о Мазепе завершается статьей, конечно же, Виктора Ющенко, бывшего президента Украины. Нашли автора! Этот тоже говорит и о стихах Мазепы, предусмотрительно не цитируя их, и о его полиглотстве. «Меня всегда тянуло к Мазепе», – признается Ющенко. Кто бы сомневался! Тут и красочная фотография: Ющенко со своим сыном, мальчиком лет 8–10, возлагают цветы к памятнику Мазепе. Почему-то все-таки не догадался присвоить ему, как Бандере, звание Героя Украины. Но: «Приходится признать, – говорит, – что для абсолютного большинства украинцев Мазепа остается неузнанным... Еще живо то, что преобладало в идеологемах 20, 30, 40 лет назад. У нас в головах – Павлики Морозовы, Чапаевы или Щорсы». У нас, т. е. и у Ющенко? Невозможно поверить! Ибо три названных героя до конца были верны своим убеждениям и погибли за них – кто от ножа, кто от пули в бою. А Мазепа после разгрома шведов под Полтавой бежал с Карлом в Бендеры

и умер там своей смертью. И Павлику было 13 лет, Щорсу – 24 года, Чапаеву – 32... А Мазепа со своей идеологемой предателя прожил почти столько же, как все трое вместе взятые.

И чего же они хотят? Да чтобы мы забыли поэму «Полтава» Пушкина, оперу «Мазепа» Чайковского, оценку изменника знаменитым историком Соловьевым, а поверили вот этим – Дымарскому, Таировой-Яковлевой да Ющенко.

Года два тому назад киевская группа «Рейимнг» провела опрос «Выдающиеся украинцы всех времен». И что же оказалось? За Мазепу проголосовало 5,6 % опрошенных, за Бандеру – 4,3 %. Что ж, среди ста человек иногда может оказаться 4–5 майданутых. Но тем не менее вполне возможно, что скоро выйдет журнал «Дилетант», на обложке которого будет красоваться портрет незнакомого лысого мужика, а под ним крупным черным шрифтом – «Бандера. Немецкий прихвостень? Предатель? Враг России? Или герой?». И 20–30 иллюстрированных страниц, убеждающих, что был он борцом против фашистской оккупации, патриотом и лучшим другом России. Это будет их естественным дополнением к уже напечатанной статье о советско-германском пакте 1939 года под заглавием «Предатель – ты, Сталин!».

* * *

Евгений Третьяков недавно писал в «Литгазете»: «Устроители журнала «Дилетант» – патриоты, убежденные и да-

же прямолинейные, непримиримые к несогласным. Только трудно угадать объект их патриотизма. Они – патриоты чего?» (ЛГ. 2.4.14). Ну так уж и трудно! Известная буйством ума В. Новодворская сразу разгадала суть их «патриотизма»: «Журнал в каждом номере подряд подтачивает, как мебельный жучок, советскую мифологию». Это мы и видели выше. А мифологией они считают всю реальную нашу историю.

В конце своей статьи Е. Третьяков уже не гадает, а решительно признает: «Не выжить народу и стране без святынь. И отдавать их на поругание разного рода «дилетантам» нам не пристало».

На обложке журнала есть такое самоопределение: «Исторический журнал для всех». А если бы честно и полно, то – «для всех олухов царя небесного». Действительно, ведь их многочисленные «разоблачения» – это давно отработанное газетно-телевизионное старье таких мыслителей, как Сванидзе, Млечин, Пивоваровы, Правдюк, Радзинский, Радзишевский, Радзиховский... Тогда же, давно, их измышлизмы были высмеяны и выброшены. И вот теперь с видом первопроходцев это антисоветское старье подхватил Дымарский и носится с ним, как дурень с писаной торбой, и голосит: «Эврика!..».

И на этот вопль однажды явился... Кто бы вы думали – Сванидзе? Млечин? Пивоваров?.. Нет! Сам глава правительства товарищ Медведев. А дело было так. Будучи любителями всяких погремушек, дилетанты вздумали с шумом

и треском отпраздновать свой юбилей. Как так, разве журнал – ровесник «демократии» и выходит уже 25 лет? Или хотя бы 10? Нет, он выходит всего год. И вот по своему обыкновению из мухи делать слона, а потом спекулировать фальшивой слоновой костью, они и раздули один год до юбилея. И пригласили немало вельможных фигур, прежде всего Медведева. И как он мог не откликнуться на голос своих единомышленников! Пришел и сказал: «Вы дали прекрасное название своему журналу. Все мы в вопросах истории дилетанты». Кто бы сомневался в этом относительно человека, который возложил венок к памятнику Маннергейма, а Сталина обозвал преступником.

Человек не отсюда

Я уже писал о В. Дымарском, главном редакторе журнала «Дилетант», как о личности несколько комичной, но весьма энергичной, а также о его журнале и отчасти об авторах журнала. Теперь мне хотелось бы продолжить разговор о беседе Дымарского с министром культуры Мединским и председателем Военно-исторического общества Михаилом Мягковым, вернее, о кое-каких обстоятельствах вокруг нее.

Я прочитал в Интернете стенограмму этой беседы, в которой, между прочим, затронута и тема ленинградской блокады, одновременно со стенограммой – добавленные к ней пространные цитаты из книги Даниила Гранина «Человек не отсюда». Суть их в обвинении А. А. Жданова и других руководителей города в том, что они, мол, во время блокады барствовали, роскошествовали во всем образе жизни, в том числе и в питании. Эти цитаты не вызывают никакого доверия хотя бы уже потому, что изобилуют анонимностью, т. е. отсутствием имен, примет времени, да и просто несуразными доводами. Например: «одна актриса Балтийского флота...». Что это такое, «актриса флота»? Как фамилия? В каком звании – не боцман? «Однажды мне принесли фотографии цеха кондитерской фабрики...». Когда именно и кто принес? «Меня уверяли, что это конец декабря, что снимок подлинный...». Кто уверял? Какие были доказа-

тельства? В одном «архивном документе» эта фабрика названа «энской», в другом – открытым текстом: «2-я кондитерская». Что за странные документы? А еще фигурирует кондитерская фабрика им. Самойловой. Это все одно и то же или разные фабрики? «В моей памяти всплыл один из рассказов...». Их там за 95 лет накопилось, поди, немало, и все плавают. О чем же рассказ? «Какой-то (!) работник ТАСС был послан на кондитерскую фабрику, где делают пирожные и ромовые бабы для начальства, сфотографировать продукцию».

Неужели писатель Гранин думает, что если Горбачев четверть века тому назад объявил его Героем социалистического труда, то все будут свято верить каждому слову Героя безо всяких его доводов и доказательств? Тем более что он – бывший член КПСС с полувековым стажем. Похоже, что так. Кажется бы, уж как бывшим-то ныне верят!.. Но, увы, вопросы рождаются сами собой, их множество, и надо на них беглому члену КПСС с Золотой Звездой отвечать.

Так вот, кто послал какого-то работника ТАСС на какую-то фабрику? Откуда известно, что производилась именно такая продукция и именно для начальства? И для какого начальства? Ведь город-то большой и разного уровня начальников немало. «Фотография была опубликована в газете». В какой, когда? А главное, зачем было фотографировать и публиковать? Ведь «каждый фотограф понимал, что за такую фотку – прямым ходом в СМЕРШ». Никакого СМЕРШа

в 41-м и 42-м году не существовало, это фронтовик Гранин мог бы знать. Ах вот оно что: эти фотки ромовых баб опубликовали неизвестно где, но подпись гласила: «Это хлеб». И никто не отличил сих пышных баб от хлеба насущного? Оказывается, этими фотками «начальство хотело показать читателям газет (уже не одна, но до сих пор все безымянные. – В. Б.), что положение в Ленинграде не такое страшное». Какая слабоумная чушь! Листовки с такими фотками можно было разбрасывать над немецкими позициями, там это могло иметь эффект, но ленинградцы-то, получая «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам», хорошо понимали, каково положение, им невозможно было втереть очки.

Нельзя умолчать еще об одном шедевре уснувших мозговых извилин: «Недавно стал известен дневник одного партийного деятеля того времени». Как стал известен? Из чьих рук получен? С неба свалился в руки Героя-беглеца? Но в данном случае это, пожалуй, и неважно. Сей «партийный деятель» всего лишь инструктор отдела кадров райкома партии. То есть работник самого низшего уровня райкомовской субординации. Но какого именно райкома? Разве это трудно установить? На этот раз даже названо имя – Николай Рибковский. И чем же его дневник примечателен? Оказывается, партийный деятель Рибковский только тем и был занят, что тщательно фиксировал все, что поглощало его пузо. Усердие партийного босса в этом деле просто изумля-

ет. Ну, смотрите, что он ежедневно якобы отправлял в рот: «Завтрак – макароны, или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Вчера на обед я скушал (!) зеленые щи со сметаной, котлету с вермишелью, а сегодня – суп с вермишелью, свинина с капустой». Потом, представьте себе, эта партийная сошка попала в какой-то дом отдыха, и опять: «Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса, рыбное – лещ, салака, корюшка и жареная, и отварная, и заливная...». Боже мой, ведь многие и не отличают курятину от гусятины или лещ от корюшки, а он все знает, все помнит и специально для правдолюбца Гранина фиксирует.

И это еще не все. Дальше: «Икра, балык, сыр, сливочное масло, пирожки, какао, кофе, чай, триста грамм черного хлеба и столько же белого (подозрительно мало! – В. Б.). И ко всему этому 50 грамм хорошего портвейна к обеду и ужину». Если Гранин до сих пор не понял, что это состряпано специально для таких, как он, или для него персонально, то пусть обдумает еще и такое заявление этого деятеля: «Да, в условиях длительной блокады это возможно лишь у большевиков, лишь при Советской власти... Едим, пьем, спим или бездельничаем и слушаем патефон, шутим, забываем «козла» в домино или в карты. И за все 50 рублей». У болвана, составлявшего фальшивку, даже не хватило ума не высовываться, скрыть, что он антисоветчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.